

На правах рукописи

Шмидт Александр Викторович

НЕОЛИТ ПРИОБСКОГО ПЛАТО

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Барнаул – 2005

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета.

- Научный руководитель:** кандидат исторических наук,
доцент Кунгуров Артур Леонидович
- Официальные оппоненты:** доктор исторических наук, профессор
Бобров Владимир Васильевич;
кандидат исторических наук
Кирюшин Кирилл Юрьевич
- Ведущая организация:** Омский государственный
университет

Защита состоится 20 декабря 2005 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете по адресу: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Демчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В настоящий момент изучение неолита Верхнего Приобья сопряжено с целым комплексом проблем, для которых нет однозначного решения. Прежде всего, вызывает затруднения хронология эпохи: к какому моменту в плане технических достижений общества следует относить верхнюю и нижнюю хронологические границы периода. История каменного века Верхнего Приобья, да и всей Западной Сибири, традиционно рассматривается исследователями как непрерывная линия развития. На смену верхнему палеолиту приходит мезолит, а на основе последнего складывается неолитическая эпоха (Бобров, 1983; 2003; Молодин, 1985; и др.). Однако в Обь-Иртышском междуречье «мезолитические комплексы» представлены только сборами бескерамических коллекций из Кулундинской степи, а памятники раннего неолита вообще неизвестны.

Похожая ситуация сложилась на территории Приобского плато. В настоящий момент здесь известно несколько пунктов, где облик артефактов и условия залегания находок свидетельствуют об их принадлежности к палеолитической эпохе. Однако сам факт наличия в данном регионе мезолитических комплексов стоит под большим вопросом. В научной и учебной литературе исследователи неоднократно указывали на существование данного хронологического отрезка на территории лесостепного Алтая (Очерки ..., 1987; История ..., 1995). При этом, либо вообще непонятно о каких памятниках идет речь, либо авторы апеллировали к поселению Павловка-1. Однако данный комплекс, по мнению диссертанта, не содержит мезолитических материалов.

Намного сложнее обстоит проблема верхней границы неолита. Основная причина заключается в том, что до сих пор нет общепризнанных критериев для выделения эпохи энеолита как в отечественной, так и в зарубежной археологии. Пожалуй, главным является вопрос: к какому моменту следует относить начало медно-каменного века. К решению этой проблемы в Верхнем Приобье существует три подхода:

- появление первых орудий из меди и зачаточных форм производящей экономики;
- появление единичных медных и даже бронзовых орудий еще не свидетельствует о переходе от неолита к эпохе металла, поскольку они не могли повлиять на экономические основы общества (данный подход отрицает сам факт существования энеолита для территории Верхнего Приобья);
- появление медных орудий (даже если они импортные) повлекло за собой кардинальные изменения в экономике.

Большинство исследователей неолита и раннего металла Зауралья и Западной Сибири придерживаются первой из предложенных точек зрения. То есть, неолит заканчивается с момента появления первых медных орудий. Но как провести эту границу, когда мы имеем дело с отдельно взятым памятником? Какие критерии здесь являются основными? Какие памятники следует считать неолитическими, а какие энеолитическими, если в рамках комплекса не фиксируются признаки металлургии? Именно вокруг этих вопросов и развернулась основная дискуссия при изучении неолита и раннего металла Верхнего Приобья.

Внедрение радиоуглеродного датирования ни только не решило проблему хронологии памятников раннего голоцена, но и внесло определенную путаницу. В настоящий момент единственными естественнонаучными хронологическими ориентирами неолитической эпохи Верхнего Приобья является серия из 12 радиоуглеродных дат, полученных по погребальным комплексам Солонцы-5, Большой Мыс (Иткуль), Усть-Иша, Кузнецкий могильник (Кунгурова, 2005), а также Старое Мусульманское кладбище (Кирюшин, 1988). Для территории Приобского плато такие датировки отсутствуют, в связи с чем, приходится ориентироваться на сопредельные регионы. На сегодняшний день для памятников неолита и раннего металла Верхнего Приобья уже имеется несколько периодизационных схем, базирующихся на эволюционной линии развития керамики. При этом по отношению к каменной индустрии такая работа практически не проводилась. Было сформулировано только общее положение, которое в общих чертах можно изложить следующим образом: чем больше ножевидных пластин, тем древнее памятник. Иная картина сложилась вокруг неолитических комплексов Казахстана. Там детально изучена эволюция каменной индустрии на всем протяжении эпохи, но совершенно не разработана хронологическая схема по керамике. Зачастую имеющиеся построения вступают в противоречия друг с другом. В связи с этим возникает необходимость сопоставить археологический материал и периодизационные схемы различных исследователей, провести анализ существующих точек зрения и выработать более объективную позицию по проблемам периодизации неолитических комплексов Приобского плато. Для проведения такой работы необходимо привлекать широкую источниковую базу. В настоящий момент на территории Приобского плато известно свыше 160 памятников, с которых происходят неолитические материалы. Это крупные поселения, кратковременные стоянки и одиночные могилы. Общий облик находок заметно отличается от аналогичных комплексов Южной Сибири, Зауралья и Верхнего Приобья. Несмотря на то, что большая часть этих артефактов является сборами, имеющиеся в нашем распоряжении материалы представляют огромное научное значение, так как способны проиллюстрировать многие аспекты жизнедеятельности древнего человека. Суммарно коллекции измеряются десятками тысяч археологических находок. Поэтому возникла необходимость обработать накопленный материал, обобщить его, осмыслить и сделать соответствующие выводы. Это позволит использовать полученные данные в дальнейшей научной работе.

Следует указать, что многие уникальные неолитические комплексы региона до сих пор не введены в научный оборот, либо опубликованы в малоизвестных изданиях, хотя некоторые из них исследователи упоминают на протяжении нескольких десятилетий, например, погребение с Чудацкой горы или вертикальное захоронение с Усть-Алейки-5. Многочисленные коллекции хранятся в районных краеведческих музеях и остаются недоступными для широкого круга исследователей. Введение этих материалов в научный оборот позволит существенно расширить наши представления о неолитической эпохе Верхнего Приобья.

В настоящий момент насущно проведение инвентаризации памятников. Это обусловлено тем, что многие неолитические объекты Приобского плато в историографии получили двойные названия, что повлекло за собой определенную путаницу.

Объект исследования – культура населения лесостепного Алтая в эпоху неолита.

Предмет исследования – корпус археологических источников, отражающих хозяйственную и сакральную деятельность.

Цели исследования – комплексное изучение и введение в научный оборот неолитических материалов с территории Приобского плато; определение их места в кругу синхронных памятников сопредельных территорий.

Задачи исследования. Для выполнения поставленных целей необходимо решить следующие задачи.

1. Охарактеризовать историю открытия и изучения памятников Приобского плато. Рассмотреть динамику изменений научных представлений о неолите Верхнего Приобья.

2. Провести всесторонний анализ материальной культуры: каменной индустрии, керамики, изделий из кости, погребальных комплексов.

3. Выявить культурные признаки для памятников региона, провести корреляцию с индустриями сопредельных территорий.

4. Создать периодизационную схему неолитических комплексов в зоне исследования, предоставить вариант решения проблемы происхождения и дальнейшего развития культуры эпохи неолита Приобского плато.

5. Рассмотреть некоторые аспекты хозяйственной деятельности древнего населения изучаемого района.

Территориальные рамки. Зона исследования расположена на юге Обь-Иртышского междуречья. Данная территория известна как Приобское плато. На западе она граничит с долиной Иртыша и Кулундинской низменностью. На востоке ее обрамляет р. Обь. На юге Степное Приобье упирается в Предалтайскую равнину (предгорья) и Рудный Алтай, а на севере граничит одновременно с Кулундинской низменностью, юго-западными отрогами Салаирского кряжа и Обью. Данная территория представляет собой плоскую слабоволнистую равнину, рассеченную пятью параллельными ложбинами древнего стока: Кулундинской, Касмалинской, Барнаульской, Алейской, Порозихинской. В рамках региона сочетаются ленточные боры, открытые степные участки, реки и старичные озера (Малолетко, 1972; Географические..., 1988; Энциклопедия..., 1995). По мнению археологов, Приобское плато является прямым связующим коридором между Северо-Восточным Казахстаном и Верхним Приобьем.

Хронологические рамки исследования охватывают неолитический период (VI–III тыс. до н.э.).

Источниковой базой диссертационной работы являются археологические материалы (всего более 35 тысяч артефактов каменной индустрии, шести тысяч фрагментов керамики и свыше двух десятков изделий из кости), полученные профессиональными археологами и краеведами-любителями: М.Т. Абдулганеевым, С.П. Грушиным, Г.Е. Ивановым, Ю.Ф. Кирюшиным, Г.А. Клюкиным, М.Н. Комаровой, А.Л. Кунгуровым, Н.Ю. Кунгуровой,

В.И. Матющенко, В.А. Могильниковым, В.И. Молодиным, А.А. Тишкиным, А.П. Уманским, А.Б. Шамшиным и др. Кроме этого, в работе представлены результаты археологических исследований, полученные автором на протяжении шести полевых сезонов 1998–2003 гг. Также в диссертации использовались материалы музейных коллекций и архивные документы, хранящиеся в различных учреждениях Барнаула (АГКМ, МАЭА АлтГУ, НИИ ГИ при АлтГУ, Историко-краеведческий музей БГПУ), Новичихинском краеведческом музее, Мамонтовском краеведческом музее, а также в частных коллекциях краеведов-любителей. Определенную группу источников составляют данные, опубликованные исследователями в разные годы.

Методология и методика исследования. При написании диссертации методологической основой послужили общеполитические подходы к изучению всеобщей взаимосвязи предметов, явлений и процессов. Учитывались основные положения исторического материализма о закономерностях социально-экономического развития общества, влияющих географической среды на жизнедеятельность человека, переселениях, миграциях и т.д., отраженных в предметном мире. В работе использован принцип диалектики о единстве общего, особенного и единичного. Исследование построено на общетеоретических разработках о познавательных возможностях археологии как науки, о специфике археологических источников, представленных в работах В.Ф. Генинга, В.В. Генинга, И.С. Каменецкого, Л.С. Клейна и др. Методика конкретных исследований базируется, прежде всего, на традиционных археологических методах: картографирование, планиграфический и стратиграфический анализы, метод датированных аналогий, метод ретроспекции, статистический, технико-типологический, сравнительно-исторический и формально-типологического анализ. Активно использовались естественнонаучные методы обработки материалов (антропологический, петрографический, остеологический и трасологический анализы).

В исследовании задействованы разработки в области трасологии и экспериментальной археологии С.А. Семенова, Г.Ф. Коробковой, П.В. Волкова, Н.Ю. Кунгуровой. Использовались общетеоретические подходы к типологии и классификации, а также реально разработанные типологические схемы для каменного инвентаря. Привлекались исследования, рассматривающие различные стратегии расщепления камня. Кроме этого, в работе учитывались данные этнографии и истории первобытного общества.

Особое внимание было уделено исследованиям в области эволюции каменной индустрии как для отдельно взятых регионов, так и в рамках всей Северной Евразии. Это вызвано тем, что в настоящий момент, благодаря усилиям нескольких поколений археологов, хорошо изучены основные направления эволюционного развития каменной индустрии. Выявленные законы этого процесса имеют глобальный характер, так как подчиняются природно-климатическим изменениям и экономическим преобразованиям, происходящим в древних обществах. Эти разработки уже на начальной стадии исследования позволили определиться с периодизацией эпохи. При определении хронологического положения отдельно взятого памятника внимание, прежде всего, уделялось нескольким аспектам: роль призматической техники расщепления; виды используемого каменного сырья; роль бифасиальной обработки и техники шлифования. Проведенная

в данном направлении работа позволила выявить два основных этапа развития неолитической эпохи Приобского плато: ранний и поздний.

В диссертационном исследовании задействованы еще не опубликованные антропологические определения, выполненные к.и.н. С.С. Тур. Активно используются трасологические данные, полученные к.и.н. Н.Ю. Кунгуровой по материалам ряда поселений из зоны исследования. Состав керамического теста проанализирован к.и.н. Н.Ф. Степановой. Петрографические определения каменных артефактов выполнены к.г.н. Б.Н. Лузгиным. Учтены данные остеологического анализа материалов Рубцовского поселения, проведенные А.В. Гальченко.

Новизна работы состоит в обобщающем характере исследования. В научный оборот вводятся новые, неопубликованные и малоизвестные материалы. Подробно рассмотрена история изучения неолитических памятников. Предложена схема эволюционного развития каменной индустрии в регионе, которая легла в основу периодизации эпохи. Выявленные закономерности позволили решить вопрос о культурной принадлежности памятников Приобского плато в интересующее нас время. Прделанная работа позволила предварительно очертить территориальные и хронологические рамки рубцовой неолитической культуры. Проведен сравнительный анализ каменной индустрии и других материалов с сопредельными регионами, что позволило определиться с датировкой эпохи в целом и каждого этапа в отдельности. Осуществлена реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения.

Практическая значимость работы. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих научных трудов по древней истории Западной Сибири и сопредельных регионов, а также при разработке лекционных курсов для студентов исторических факультетов вузов Сибири. Отдельные разделы работы можно использовать при написании методических пособий по классификации и типологии каменной индустрии, при демонстрации отдельных элементов истории первобытного общества. Материалы исследования могут быть задействованы для охраны памятников археологии и сохранения историко-культурного наследия Алтайского края и некоторых территорий Восточного Казахстана.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены на региональных, всероссийских и международных конференциях и семинарах в городах Барнаул (1997–2004 гг.), Иркутск (1996 г.), Кемерово (2003–2004 гг.), Красноярск (1997 г.), Новосибирск (1999–2001 гг.), Омск (2002 г.), Сургут (2003 г.), Минусинск (2005 г.). Результаты исследований отражены в 29 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка используемых источников и литературы и приложения, в которое включены рисунки, статистические таблицы и описание ландшафтно-географических и палеоклиматических характеристик зоны исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обоснована актуальность темы, объект и предмет исследования, определены цели и задачи, обозначены территориальные и хронологические рамки, кратко охарактеризованы источники, методологические подходы и методика изучения материалов, приводятся данные по апробации работы, ее научно-теоретическая и практическая значимость.

Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИОБСКОГО ПЛАТО

1.1. История открытия неолитических памятников Приобского плато.

История изучения неолитических памятников Приобского плато, насчитывает 80 лет. Однако длительное время обследования региона носили эпизодический характер. В 1920-е гг. здесь работал М.П. Грязнова в рамках экспедиции, организованной Этнографическим отделом Государственного Русского музея. Несколько поселений было открыто в 1952–1954 гг. в ходе охранных мероприятий в зоне затопления Обского водохранилища. В начале 1970-х гг. изучение археологического наследия Приобского плато было вызвано запланированным строительством Алейской оросительной системы и Гилёвского водохранилища (экспедиция Института археологии АН СССР во главе с В.А. Могильниковым). С созданием в 1978 г. в Алтайском государственном университете лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая обследования территории Приобского плато стали носить регулярный характер. Соответствующий вклад в изучение эпохи внесли М.Т. Абдулганеев, С.П. Грушин, П.К. Дашковский, Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Н.Ю. Кунгурова, В.П. Семибратов, А.А. Тишкин, А.Б. Шамшин и др. В 1999 г. в процесс по изучению неолита Приобского плато включился автор данной диссертационной работы. В 2000 г. им произведены стационарные раскопки на Рубцовском поселении, в 2001 и 2003 гг. на памятнике Гульбище. Кроме этого им проведена серия археологических разведок, в результате чего открыто более десятка новых неолитических объектов. Определенный вклад в изучение эпохи внесли работники учебных заведений и музеев, а также местные краеведы: Э.М. Медникова, Г.Е. Иванов, Г.А. Клюкин, Н.П. Нудных, А.В. Онников, Я.С. Нагайцев, П.Л. Рудометов, Е.В. Симонов, Ю.А. Тишкин и др. Благодаря их усилиям были открыты десятки новых памятников неолитического времени. Результатом изучения древнего наследия региона стали многочисленные публикации к археологической карте Алтайского края с краткой характеристикой памятников, аналитические статьи и работы по истории изучения эпохи.

1.2. Историография неолитической эпохи Приобского плато. Первая периодизация неолита Верхнего Приобья была разработана М.Н. Комаровой в 1956 г. Исследовательница выделила три типа памятников, соответствовавших трем хронологическим этапам неолитической культуры: кипринский, ирбинский и кротовский. В 1961 г. В.И. Матющенко выделил верхнеобскую неолитическую культуру, впоследствии включив в нее несколько памятников Приобского плато. Ее бытование, по мнению исследователя, проходило в два этапа. В последующие годы наполнение термина «верхнеобская неолитическая культура» многократно дополнялось новыми данными и содержанием. Часть археологических комплексов было предложено вывести из ее

состава (Аниковач, 1969; Косарев, 1964; Молодин, 1977; Кирюшин, 1986; Зах, 1988; и др.). Все исследователи в свои периодизационные схемы неолита Верхнего Приобья включали памятники, расположенные в северной части Приобского плато (Киприно, Чудацкая Гора). Центральные и южные области региона длительное время оставались неизученными. Стимулом для исследования археологического наследия этих территорий послужил проект строительства Алейской оросительной системы. Новые памятники, открытые в результате охранных мероприятий, по мнению исследователей, находили близость с неолитом Верхнего Приобья (Кирюшин, Ключкин, 1985). В 1987 г. Н.Ю. Кунгурова по ряду признаков отметила близость некоторых объектов южной части Приобского плато с неолитическими комплексами Северного Казахстана. В последующие годы эта идея нашла продолжение в работах А.Л. Кунгурова и А.А. Тишкина, предложивших выделить для этой территории самостоятельную археологическую культуру (Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999).

1.3. Современные тенденции в изучении неолита Верхнего Приобья. На всем протяжении изучения неолита Верхнего Приобья, происходила переоценка хронологических позиций эпохи. В 1980-е – 1990-е гг. по сравнению с 1970-ми идет тенденция к удревнению этого периода за счет появления новых естественнонаучных дат для сопредельных регионов. На их основании начало неолитической эпохи для западносибирского региона исследователи относят к VI или V тыс. до н.э. В последнее время продолжилась тенденция к удревнению неолитической эпохи. В.И. Молодин получил несколько радиоуглеродных дат по раскопкам могильника Сопка-2. Учитывая данные с памятника Протока, исследователь датировал неолитическую эпоху VI – началом IV тыс. до н.э. Формирование эпохи «раннего металла» ученый отнес к концу V – началу IV тыс. до н.э. (Молодин, Бобров, 1999; Молодин, 2001). В 2005 г. Н.Ю. Кунгурова опубликовала результаты радиоуглеродного датирования могильников: Солонцы-5, Кузнецкий могильник, Усть-Иша, Большой Мыс (Иткуль). Хронология всех этих памятников укладывается в рамки IV тыс. до н.э. При этом могильник на оз. Иткуль, считавшийся достаточно поздним, по результатам исследований оказался чуть ли не самым древним. Учитывая хронологию погребальных комплексов на Старом Мусульманском кладбище и Сопка-2/2, даты, полученные Н.Ю. Кунгуровой, еще предстоит осмыслить.

Таким образом, процесс изучения неолита Западной Сибири продолжается и одним из его проявлений является предлагаемая диссертационная работа.

Глава 2. РАННИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ПРИОБСКОГО ПЛАТО

Глава посвящена анализу материальной культуры комплексов раннего этапа региона (Павловка-1, Кривое-1, Гульбище, Новенькое-20, 21, Рубцовское поселение, Гусятник-2, Сибирь-3, 5, Калантырь-15).

2.1. Каменная индустрия. На раннем этапе при расщеплении в основном использовался высококачественный камень: яшмоиды, кремль, кварцитовидный сливной песчаник (далее КСП), халцедон и т.п. Это плотные и твердые породы, хорошо колющиеся и пригодные для призматического расщепления и бифасиальной мелкофасеточной обработки. В связи с тем, что Приобское плато это лесостепной район, камень приходилось доставлять из соседних регио-

нов. На раннем этапе основным источником сырья являлся Рудный Алтай и, вероятно, Восточно-Казахстанский мелкосопочник (Лузгин, 1998).

В целом каменная индустрия раннего этапа ориентирована на призматическое расщепление. Данный технологический процесс отражает 36-60% каменных артефактов: нуклеусы, технические сколы, призматические пластины, пластинчатые отщепы – всего 71 тип. В рамках этапа наибольшее распространение получили торцовые, клиновидные и полуконцентрические нуклеусы. Заготовками для них служили кремнистые плитки, речной галечник, отщепы средней размерности. Все ядрища предназначены для получения ровной двух-трехгранной пластины мелкой и средней размерности. Крупные призматические сколы представлены малочисленными сериями и составляют менее 5%. Вторичная обработка фиксируется у 42–44% пластин. Техника их оформления отличается большим разнообразием, за счет чего изделия на пластинах получили большое типологическое разнообразие. На призматических сколах изготавливали острия, концевые скребки, резцы (14 типов), резчики, наконечники стрел, скобели и всевозможные вкладыши. Всего по способу оформления можно выделить 42 типа, из которых наибольший интерес представляют изделия, отражающие среднеазиатские традиции камнеобработки: геометрические микролиты (трапеции, параллелограммы, прямоугольники, сегменты), представленные на поселениях единичными экземплярами или малочисленными сериями; вкладыши «гарпунного» типа (разновидность скошенных острий); пластины с притупленной спинкой и торцом, единичные кельтеминарские наконечники. Функциональное использование призматических сколов отличается большим разнообразием. Однако основная масса использовалась для изготовления вкладышей составных орудий, прежде всего мясных ножей (преобладают средние пластины) и колюще-метательного оружия (преобладают мелкие пластины).

Отщепы и изделия на них в материалах раннего этапа составляют 40-59,2% индустрии. При этом характерно почти полное отсутствие нуклеусов, предназначенных для снятия отщепов. Исключением являются разовые ядрища и нуклевидные изделия, представленные на поселениях единичными экземплярами. Это дает основание полагать, что отщепы являются продуктом оформления преформ и призматических нуклеусов, а также отходами производства более крупных орудий. На них изготавливали скребки (11 типов), скобели (6 типов), резцы (16 типов), резчики, острия (3 типа, 6 способов оформления), шиповидные орудия, тесла и др. Всего на отщепах изготовлен 51 тип орудий. Макроформы (рубящие орудия, мотыга, отбойники-ретушеры) на поселениях представлены малочисленными сериями и составляют менее 1%. Кроме этого, они получили слабое типологическое разнообразие. Общий облик каменной индустрии дополняют рыболовные стерженьки. Несмотря на типологическое разнообразие, изделия выдержаны в одном стиле. Это вытянутые стержни, имеющие на оконечности круговые нарезки, насечки либо хорошо выделенные головки, служившие, очевидно, для крепления линия.

Бифасиальная техника в материалах раннего этапа не получила широкого использования. В основном она применялись при оформлении определенных категорий изделий – долот (4 типа), рубящих орудий, наконечников (3 типа), некоторых видов острий. Общее число бифасов не

превышает 2% от общего состава каменной индустрии. Еще меньшее распространение получили орудия с подшлифовкой (менее 1,5%).

2.2. Изделия из кости и рога в рамках этапа единичны. Наибольший интерес представляет обломок срединной накладки на лук с Рубцовского поселения и фрагмент рукояти, украшенный треугольными фигурами с памятника Гульбище.

2.3. Керамика. Посуда на раннем этапе представлена остро- и круглодонными формами. Стенки наклонены вовнутрь. Их толщина составляет 0,3–1,2 см при среднем показателе 0,6–0,9 см. В районе днища толщина может достигать 2 см. Диаметр сосудов 11,5–28 см. В качестве отщителя добавляли дресву и шерсть животных. В оформлении керамики можно проследить несколько орнаментальных традиций: прочерченный орнамент (12,1%), гребенка (11,3), наколы гладкого орнаментира (6,1%). Однако наибольшее распространение получила неорнаментированная посуда (51,7%). Общий облик керамики находит близость с ранне-среднеолитическими комплексами Приаралья, Поднепровья, Южного Урала, Зауралья, Волго-Уральского междуречья и некоторых других территорий (Виноградов, 1981; Моргунова, 1995).

Глава 3. ПОЗДНИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ПРИОБСКОГО ПЛАТО

Глава посвящена анализу материальной культуры комплексов позднего этапа (Алексеевка-1, Киприно, Осторов-1, 2, Сибирь-6, 8а и др.).

3.1. Каменная индустрия. На позднем этапе древние коллективы начинают осваивать новые территории. За счет этого неолитические традиции получили распространение по всему Приобскому плато, а человеку стали доступны новые источники каменного сырья. На основании петрографического анализа камня, используемого в неолите, автор выдел четыре «сырьевых зон», где преобладали те или иные породы.

1. Юго-западные районы Приобского плато. Здесь характерно общее преобладание тонкозернистых вулканических пород (яшмоиды, туфы порфиров различных оттенков, кварциты, кремь и др.). Какой-то одной породе древние мастера предпочтение не отдавали. Сырье поступало из Рудного Алтая и, вероятно, Восточно-Казахстанского мелкосопочника.

2. Центральные районы Приобского плато. Данная территория частично охватывает Барнаульскую и Касмалинскую ложбины. Здесь значительно преобладал КСП (40–70% каменных артефактов). Сейчас затруднительно точно ответить, откуда данное сырье поступало в регион.

3. Северные районы Приобского плато. В качестве сырья здесь преобладали крупнозернистые туфы порфиров. Основным источником сырья являлся Салаирский кряж.

4. Участок Приобья расположенный к югу от р. Чумыш. В основном данная зона охватывает правобережье Оби, лишь частично захватывая восточные районы Приобского плато. Для данной территории характерно использование самых разнообразных по структуре и происхождению пород преимущественно низкого качества. Видимо, сырье поступало сюда из различных источников: Салаирского кряжа, Рудного Алтая, предгорной зоны, районов Чарыша и Горного Алтая.

На позднем этапе эпохи происходит существенное сокращение роли призматической техники расщепления. Данный технологический процесс отражает 1,1–23,2% каменных артефактов (всего 53 типа). Единственное исключение – памятник Сибирь-6 (36,7%). Однако общий облик индустрии данного поселения свидетельствует о его принадлежности к позднему этапу. Типология изделий на пластинах сократилась до 26 типов. Исчезают среднеазиатские черты, получившие распространение на раннем этапе.

На позднем этапе происходит значительное увеличение количества отщепов – 73,2–91,8% всех каменных артефактов (для памятника Сибирь-6 – 59,3%). В целом типологии большинства орудий особых изменений не происходит (всего 59 типов). Преобразования затронули только отдельные категории изделий. Резко сократилось количество резцов и их типологическое разнообразие (с 16 до 9 типов). Прежде всего, это обусловлено сокращением производства вкладышевых орудий. Как следствие этого, происходит увеличение количества бифасиальных изделий. Если на раннем этапе наконечники составляли менее 1%, то теперь их доля в составе индустрии увеличилась до 2,2–13,2%. Расширилась типология ножей-бифасов (6 типов). Орудия с бифасиальной обработкой в материалах позднего этапа составили 3,3–17,6%. Характерной чертой позднего этапа являются шлифованные ножи, не получившие применения в ранних комплексах. В целом техника шлифовки остается на том же низком уровне, но в рамках отдельных памятников она может составлять 5–6%. Не происходит существенного увеличения количества макроформ, однако появляются новые виды орудий – «утюжки» и молоты. Продолжают свое бытование рыболовные стерженьки.

3.2. Изделия из кости и рога в материалах позднего этапа представлены малочисленной серией. Это обломки ножей, роговые острия, пластины с отверстиями и др.

3.3. Керамика. На позднем этапе наряду с кругло- и остродонными сосудами появляются плоскодонные банки открытого типа. Толщина стенок составила 0,3–1,5 см, у плоскодонных – 0,6–1,1 см, в районе днища до 1,7 см. Диаметр сосудов 11,4–25,5 см. На памятниках Гульбище и Киприно внутри некоторых венчиков фиксируется сквозной канальчик. В тесто добавляли дрсеву, либо шамот. Продолжают свое существование прочерченная, гребенчатая и накольчатая орнаментальные традиции. Однако в оформлении керамики происходят определенные изменения. Получила широкое распространение «отступающая палочка». Кроме этого на многих памятниках зафиксирована ямочная и ямочно-гребенчатая орнаментация керамики, имеющая прямые аналогии в материалах Русской равнины и Среднего Зауралья. Керамика без орнамента продолжает свое бытование, но представлена малочисленной серией.

3.5. Мелкая пластика в неолитических материалах Приобского плато представлена редкими единичными экземплярами: это фигурка медведя (Рубцовское поселение) и голова лося (Горькое-3), изготовленные на отщепах; «лосинная голова» из плитки сланца (случайная находка из г. Змеиногорска); зооморфная фигурка из детского погребения Усть-Алейка-5, выполненная на небольшой галечке бордового цвета; фигурка птицы, изготовленная из рога (Гульбище).

3.6. Погребальный обряд. На территории Приобского плато известно всего четыре единичных захоронения: Чудацкая Гора, Долгая-1, Усть-Алейка-5, Павловка-3. Последняя из перечисленных могил была разрушена. В руки исследователей попал только сопроводительный инвентарь. Все захоронения расположены в разных частях региона и, к сожалению, не создают целостной картины о погребальных традициях неолита Приобского плато. Погребения располагались на высоких террасах, на берегу водоемов. На старице Долгая и Чудацкой горе умершие лежат вытянуто на спине, руки вдоль туловища, голова наклонена вперед. Данная поза имеет очень широкие аналогии на всей территории Северной Евразии. Усть-Алейки-5 – это вертикальное захоронение ребенка. Подобных могил не много. Это погребение женщины на памятнике Заречное-1 на р. Иня и захоронение возле с. Пеган в Степном Зауралье. Сопроводительный инвентарь представлен украшениями, изготовленных из зубов животных и раковин, а также различными орудиями. Во всех могилах отсутствуют наконечники стрел или дротиков, так характерные для эпохи в целом. Достоверных предметов рыболовства только два. Это роговой стерженек и гарпун из могилы с Чудацкой горы. Очертания изделий находят близость с аналогичными орудиями Верхнеобской долины, оз. Иткуль, предгорной зоны Алтая, а также комплексами китойской культуры. Эти данные наводят на мысль о «восточном происхождении» населения, оставившего погребение. Многие орудия труда с Усть-Алейки-5, включая все ножи, были сломаны, либо получили серьезные трещины. Также фрагментирован гарпун с Чудацкой Горы. Вероятно, это следует рассматривать как акт умышленной порчи вещей перед погребением. В предгорной зоне Алтая мы можем наблюдать похожие проявления в могильниках Усть-Иша и Солонцы-5.

В отличие от памятников раннего этапа, материальная культура поздних комплексов не находит между собой единства. Каменное сырье, происходившее из разных источников, обладает различными петрофизическими свойствами. Это значительно повлияло на общий облик индустрии, придавая ей индивидуальные черты, не свойственные ансамблям соседних «сырьевых зон». Керамический комплекс характеризуется большим орнаментальным разнообразием, что видимо обусловлено различными культурными влияниями сопредельных регионов. Нет единства в общем облике погребений. Таким образом, на позднем этапе археологические памятники в рамках региона представляют собой своеобразный «набор» из отдельно взятых комплексов.

Глава 4. ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ХОЗЯЙСТВО НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПРИОБСКОГО ПЛАТО

4.1. Комплексы раннего этапа. В 1999 г. все базовые памятники раннего этапа неолитической эпохи Приобского плато исследователи отнесли к рубцовской культуре – это Павловка-1, Кривое-1, Рубцовское поселение. Сюда же следует включить поселение Гусятник-2, открытое позже, и некоторые другие объекты. Основная задача, которую преследовали исследователи при выделении рубцовской неолитической культуры – зафиксировать сам факт существования на территории Приобского плато самобытных

археологических комплексов эпохи неолита, облик которых значительно отличается от синхронных памятников Верхнего Приобья и Горного Алтая. Основным критерием для обоснования рубцовской культуры послужили каменные артефакты. Поэтому, решение проблем о ее происхождении, хронологии и территориальных рамках осуществлялось «через призму» каменной индустрии (Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999).

4.1.1. Территория распространения комплексов раннего этапа. В последующие годы база источников по этой проблематике существенно расширилась новыми материалами. Это помогло переосмыслить накопленные данные и уточнить многие спорные моменты. Сравнительный анализ каменной индустрии Рубцовского поселения с неолитическими памятниками Приобского плато и сопредельных регионов позволил выявить характерные и индивидуальные особенности, которые подчеркнули самобытность культуры на общем фоне неолита Северной Евразии. А также очертить круг памятников, каменная индустрия которых имеет явную близость с материалами Рубцовского поселения. Решению данной проблемы способствовал анализ керамического комплекса.

Таким образом, мы смогли очертить ареал распространения рубцовской неолитической культуры. Памятники рубцовского типа с характерной каменной индустрией и керамическим комплексом расположены между $51^{\circ}20' - 52^{\circ}50'$ с.ш. и $79^{\circ} - 81^{\circ}50'$ в.д. Большую часть территории занимает Южно-Приалейская степная провинция. Ареал культуры вытянут по линии ЮЗ–СВ, и совпадает с направлением ложбин древнего стока – Алейской и Барнаульской. Территория бытования культуры ограничена следующими регионами: на юге и юго-востоке – Предалтайской равниной; на западе – долина реки Иртыш; на севере и северо-востоке – Кулундинской низменностью. Географически не выражена восточная граница культуры. Судя по памятникам, она проходила по линии Поспелиха – Новичиха – Мамонтово. Из приведенных данных видно, что территория распространению рубцовских традиций охватывает только юго-западные районы региона. При этом, судя по археологическим материалам, большая часть Приобского плато оставалась неосвоенной территорией.

4.1.2. Происхождение и культурные связи комплексов раннего этапа. Каменные артефакты, подчеркнувшие самобытность рубцовской культуры (геометрические микролиты, вкладыши гарпунного типа; пластины с одним притупленным краем и их варианты с подработанным торцом; единичные кельтеминарские наконечники) находят прямые аналогии в ранне- и средне-неолитических комплексах Казахстана, Средней Азии, южной зоны Волго-Уральского междуречья (Виноградов, 1981; Зайберг, 1992; Чалая, 1972).

Общий облик керамики рубцовской культуры, учитывая неорнаментированную посуду, находит близость с ранне-неолитическими комплексами Приаралья, Поднепровья, Южного Урала, Зауралья, Верхнего Приобья и Казахстана (Молодин, 1977; Виноградов, 1981; и др.). Прямые аналогии происходят с памятников южной зоны Волго-Уральского междуречья – с Ивановской и второй Старо-Елшанской стоянок – так называемая «керамика елшанского типа» (Моргунова, 1995).

Таким образом, каменная индустрия и керамика рубцовской культуры находит близость с ранне- и средненеолитическими комплексами Средней Азии, Казахстана, Южного Урала, Волго-Уральского междуречья. Для этих

территорий исследователи выделяют джейгунскую (Прикаспий), атбасарскую (Тоболо-Иртышское междуречье), чебаркульскую (Южное Зауралье), махантжарскую (Притоболье), волго-уральскую, сурско-днепровскую и некоторые другие культуры и типы памятников. По мнению исследователей, все эти комплексы находят определенную близость с кельтеминарскими материалами. Кроме этого, перечисленные культуры развивались в схожих природно-климатических и ландшафтно-географических условиях. Вероятно, для неолитического населения этих регионов существовали схожие пути исторического развития с единым хозяйственно-культурным типом. В этой связи есть мнение о бытовании так называемой «кельтеминарской общности». Если принять эту позицию, то территорию рубцовской культуры следует рассматривать как восточную периферию распространения этой общности. Тем более что рубцовские комплексы имеют хорошо выраженные сходства с ранним этапом кельтеминара.

По мнению А.В. Виноградова, распространение среднеазиатских традиций в северном и восточном направлении обусловлено двумя факторами: перенаселенность; изменения климатической обстановки.

По мнению исследователей, в конце VII тыс. до н.э. начинается процесс постепенного потепления и аридизации климата (атлантический оптимум). За счет этого в Средней Азии происходит значительный сдвиг пустынь и полупустынь в северном направлении. Для Казахстана и юга Западной Сибири данный процесс обусловлен расширением степных и лесостепных зон. В связи с этим происходит изменение всей экосистемы, что вынуждает неолитическое население южных районов искать более благоприятные условия для проживания.

Распространение среднеазиатских традиций на территорию Приобского плато осуществлялось, вероятнее всего, через Южно-Приалейскую степную провинцию. Именно здесь обнаружены наиболее ранние неолитические памятники лесостепного Алтая. Кроме этого, Алейская степь является не только составной частью Приобского плато. Это еще своеобразные «ворота» из Прииртышья в Приобье, «подпертые» с одной стороны горами Рудного Алтая, а с другой лесами и болотами, расположенных на южной границе Кулундинской низменности.

4.1.3. Хронология комплексов раннего этапа. Как уже отмечалось, для неолитических комплексов Приобского плато отсутствуют естественнонаучные датировки. В этой связи приходится ориентироваться на хронологические построения для сопредельных регионов (Средней Азии, Волго-Уральского междуречья, Казахстана, Зауралья и Южной Сибири и некоторых других) и использовать метод датированных аналогий.

Каменная индустрия памятников раннего этапа ориентирована на призматическое расщепление. Подобная черта характерна для комплексов раннего и среднего неолита. Данный период развития общества для территории Волго-Уральского междуречья Н.Л. Моргунова датирует концом VII–VI тыс. до н.э., возможно с заходом в V тыс. до н.э. В.Ф. Зайберт памятники этого времени в Северном Казахстане предлагает относить к концу VII–V тыс. до н.э. На основании серии радиоуглеродных дат комплексы раннего-среднего неолита Горного Алтая исследователи датируют концом VII – второй половиной V тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2003; Кирюшин К.Ю., 2004). Для территории Западной Сибири начало неолитической эпохи относят к VI тыс. до

н.э. (Зах, 2003; и др.). Наиболее ранняя дата данного региона происходит с комплекса Сопка-2/1 – 8005±100 лет назад (Молодин, 2001).

Учитывая эти точки зрения, а также опираясь на хронологию бытования некоторых типов каменных артефактов (вкладыши с притупленной спинкой и торцом, геометрические микролиты, вкладыши «гарпунного» типа) и керамики, автор предлагает датировать комплексы рубцовской неолитической культуры VI–V тыс. до н.э.

4.2. Комплексы позднего этапа. Если памятники раннего этапа зафиксированы только в юго-западных районах Приобского плато, то на позднем этапе неолитические традиции получили распространение на всей территории региона. В настоящий момент очень сложно говорить о причинах, побудившей древние коллективы осваивать новые территории. Это могли быть изменения в демографической ситуации или перемены климатической обстановки.

4.2.1. Происхождение и культурные связи комплексов позднего этапа. Судя по материалам, на формирование комплексов позднего этапа неолитической эпохи Приобского плато оказали влияние несколько регионов. Это обусловлено распространением на данной территории нескольких культурных традиций.

1. В южных и центральных областях Приобского плато можно проследить черты характерные для рубцовской культуры. В камнеобработке (Павловка-14; Беленькое-1; Сибирь-6) это нашло выражение в высоком проценте изделий на пластинах. Однако в отличие от классических рубцовских комплексов, призматическая техника расщепления данных памятников почти полностью утратила среднеазиатские черты, появились скребла, большое количество наконечников стрел на отщепках. Кроме каменных изделий, рубцовские традиции нашли продолжение в керамическом комплексе. Так, вся посуда поселения Остров-2 представлена неорнаментированными формами. Слабоорнаментированная керамика получила распространение на памятнике Курейка-4а и некоторых других объектах.

2. На позднем этапе неолитической эпохи в северных и центральных областях Приобского плато получила распространение ямочная и ямочно-гребенчатая керамика (Гульбище, Курейка-3, Ребриха-1, Сибирь-7, Горькое-3, Осторов-1, Киприно и др.). Данный тип орнаментации широко известен в комплексах Русской равнины, Карелии и Прибалтики. По мнению В.Т. Ковалевой, ямочная и ямочно-гребенчатая орнаментация керамики на территории появился в результате миграции древнего населения из центральных областей Русской равнины в восточном направлении. Под влиянием пришлого населения в Тюменском Притоболье (Среднее Зауралье) сложилась андреевская энеолитическая культура (Ковалева, 1995). Вполне вероятно, что данный миграционный процесс из европейской части России затронул территорию Приобского плато.

3. Определенное влияние на комплексы позднего этапа неолитической эпохи Приобского плато оказали регионы, расположенные к востоку от зоны исследования – так называемые «носители южносибирских традиций». Это подтверждает находка наконечника дротика ромбических очертаний (Беленькое-1), характерного для поселения Танай-4а в Кузнецкой котловине, а также комплексов серовской культуры. В районе

с. Шипуновка обнаружен клад, состоящий из листовидных клинков. Такие же изделия сопровождали умерших в погребальных комплексах кузнецко-алтайской культуры. Погребальные традиции и сопроводительный инвентарь захоронения с Чудацкой Горы также находят прямые аналогии в обском правобережье. Кроме этого, близость между регионами проявилась в керамике. Гребенчатый орнамент, получивший на позднем этапе широкое распространение, является ведущим в неолите Горного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1992, 1993) и его северных предгорий (Абдулганеев, 1987). Судя по малочисленности характерных находок, влияние «южносибирских традиций» на территорию Приобского плато носило минимальный характер, поэтому не нашло широкого отражения в материальной культуре региона. Распространение данных культурных традиций в значительно большей степени затронуло правобережье Оби. Это нашло подтверждение в облике материальной культуры, а также в погребальном обряде и антропологическом типе умерших.

Таким образом, на формирование и дальнейшее развитие позднего этапа неолитической эпохи Приобского плато оказали влияние несколько культурных традиций, связанных с различными регионами.

Однако, если провести более детальный сравнительный анализ материалов Приобского плато с комплексами Бийско-Чумышской возвышенности и примыкающего к ней участка Верхнеобской долины, то можно проследить явные культурные различия. Отличается типология рыболовных стерженьков. Для Приобского плато характерны стерженьки-грузила. В комплексах правобережья Оби получили распространение изделия со срединным пропилом и боковыми выступами в нижней части. Такие рыболовные снасти характерны для Горного Алтая и его северных предгорий. Кроме этого похожие вещи получили широкое распространение в материалах Южной Сибири. В правобережье Оби были распространены дисковидные бифасиальные скребла, не нашедшие применения на территории Приобского плато. О погребальном обряде эпохи неолита Приобского плато почти ничего не известно. Сведения о нем единичны и разрознены и не позволяют сделать серьезных выводов. Иная картина в правобережье. Здесь на относительно небольшой территории известно несколько могильников и единичных захоронений эпохи неолита и энеолита (Фирсово-11, 14, Тузовские Бугры-1, Раздумье-1б, МГК-1, Крутиха-5, Большой Мыс, Усть-Иша, Солонцы-5). В целом антропологический тип этих умерших и погребальный обряд находят близость с материалами Кузнецкой котловины и Прибайкалья, то есть регионов расположенных к востоку от Приобского плато.

Исследователи неоднократно отмечали, что развитие неолита Верхнего Приобья проходило под непосредственным влиянием уральского региона. Данный вывод не находит особых противоречий для комплексов Приобского плато. Однако в облике материальной культуры ранних комплексов правобережья Оби прослеживается явное влияние южносибирского неолита. Таким образом, на юге Западной Сибири р. Обь стала естественной границей между двумя огромными культурно-историческими областями, носителями «западных» и «восточных» традиций.

4.2.2. *Хронология комплексов позднего этапа.* Каменная индустрия раннего и позднего этапа неолитической эпохи Приобского плато представляет собой единую эволюционную линию. Ее развитие протекало в рамках определенных законов, носивших глобальный характер, обусловленный природно-климатическими изменениями и экономическими преобразованиями, происходившими в древних обществах. На позднем этапе происходит значительное сокращение призматической техники расщепления, характерной для рубцовской культуры. На ее смену приходит бифасиальная обработка и традиция изготовления орудий на отщепках. Данный уровень развития каменной индустрии находит аналогии в комплексах позднего неолита.

В целом исследователи достаточно широко датируют нижнюю границу позднего неолита. В зависимости от региона ее помещают от первой половины V до начала III тыс. до н.э. Автор на основании датировки некоторых типов каменных артефактов (шлифованные ножи, «угожки») и керамики, а также хронологии позднего неолита соседних регионов, предлагает нижнюю границу позднего этапа отнести к началу IV, возможно к концу V тыс. до н.э.

Намного сложнее обстоит с верхней границей позднего неолита. Для Верхнего Приобья этот рубеж исследователи относят к середине или второй половине IV тыс. до н.э. Эта хронологическая отметка обусловлена двумя датами по C14 с могильника на Старом Мусульманском кладбище (Кирюшин, 1988). Есть более древняя дата – конец V – начало IV тыс. до н.э., полученная по материалам могильника Сопка-2 (Молодин, 2001). Для Горного Алтая рубеж позднего неолита-энеолита относят к началу последней трети IV тыс. до н.э. (Кирюшин, 2004), а в Северном Казахстане к рубежу IV–III тыс. до н.э. (Зайберт, 1993).

Во всех этих регионах (Горный Алтай, Казахстана, Верхнее Приобье) на смену позднему неолиту приходит энеолит. Однако на территории Приобского плато энеолитические традиции до сих пор не выявлены. Нет даже предпосылок для возникновения собственной металлургии. Богатые запасы сырья для медно- и бронзолитейного производства расположены в Рудном Алтае. Этот регион является непосредственным соседом Приобского плато. При этом лесостепной ландшафт Приобья постепенно переходит в низкогорья (Рудный Алтай). Между регионами нет труднопреодолимого препятствия, вроде широкой реки или горного хребта. И, тем не менее, несмотря на кажущуюся доступность, в неолите территория Рудного Алтая оставалась практически неосвоенной. Многолетние обследования, которые проводил здесь автор (2000–2003 гг.) и другие исследователи (Алехин, 1983, 1984; Кунгуров, Шмидт, 2002), позволили выявить всего два поселения эпохи позднего неолита – это стоянки Слюдянка и Усть-Колыванка на Колыванском озере в районе г. Змеиногорска. При этом общий облик каменной индустрии этих памятников имеет явные южносибирские корни. Наибольшую близость материалы поселения Слюдянка находят с комплексами усть-нарымской культурой эпохи позднего неолита-энеолита. Таким образом, вырисовывается следующая картина. На территории Приобского плато мы имеем десятки неолитиче-

ских памятников. А всего на 30-50 км к Ю и ЮВ, в предгорьях, известно два небольших поселения.

В основном, памятники каменного века в Рудном Алтае связаны с плейстоценовым временем. Мезолитические, неолитические и энеолитические комплексы там не фиксируются. По всей видимости, на рубеже плейстоцена-голоцена данная территория была покинута людьми и ее повторное заселение связано с елунинской культурой эпохи ранней бронзы (XX–XVI вв. до н.э.). Таким образом, до рубежа III–II тыс. до н.э. собственной металлургии на территории Приобского плато, по всей видимости, не было. Именно до этого времени доживают неолитические традиции в регионе.

На основании приведенных данных, время бытования поздненеолитических традиций на территории Приобского плато следует датировать началом IV (Возможно, концом V) – III тыс. до н.э.

4.2.3. Проблема культурной принадлежности комплексов позднего этапа. В третьей главе данного исследования автор уже писал о том, что на позднем этапе неолитические памятники Приобского плато представляют собой своеобразный «набор» из отдельно взятых комплексов, которые в отличие от раннего этапа не находят собой монолитного единства. Различия проявились как в керамике, так и в каменной индустрии. Аналогичная ситуация сложилась для большей части верхнеобского региона. В подтверждение этих слов проведем сравнительный анализ.

При выделении археологической культуры эпохи неолита в качестве культурного показателя могут выступать различные критерии:

- керамика с ее орнаментацией;
- погребальный обряд;
- орудия труда и приемы их изготовления.

У каждого из предложенных культурообразующих критериев есть свои сторонники. Опираясь на точки зрения исследователей и свой личный опыт, автор приходит к выводу, что различные компоненты материальной культуры (керамика, погребальный обряд, орудия труда) отражают разные уровни жизни неолитического человека. Зачастую эти уровни не совпадают и, по идее, не должны совпадать в пространственном и хронологическом отрезке. Керамика и, прежде всего, ее орнаментация, вероятно, является отображением племенных родственных связей. Погребальный обряд отражает духовную культуру древнего населения. Орудия труда – хозяйственную направленность коллектива, а локальные варианты могут быть обусловлены разным происхождением каменного сырья. Поэтому, выбирая один из перечисленных компонентов как основной при выделении археологической культуры, мы отдаем предпочтение тому или иному уровню общественной жизни древнего населения. В связи с этим, один и тот же памятник исследователи могут относить к двум или даже трем различным археологическим культурам. Достаточно часто ареалы распространения комплексов каменных орудий не совпадают с ареалами комплексов орнаментальных мотивов керамики. То есть, на одной территории фиксируется единство в керамике и несколько традиций обработки камня. И наоборот: каменная индустрия имеет явное сходство, а керамика делится на разные группы. Такие разногласия среди исследователей неизбежны, если в основу выделения археологической

культуры положен не весь вещевой комплекс (включая керамику, погребальный обряд, украшения, орудия труда из кости и камня и т.п.), а только отдельно взятый компонент.

Археологи неоднократно писали о близости неолитических памятников Приобского плато и Верхнего Приобья. Некоторые комплексы региона являются базовыми в существующих периодизационных схемах верхнеобской неолитической культуры. В основе этих схем лежит анализ керамического комплекса. Так, для завьяловского этапа, прежде всего, характерна керамика с прочерченным орнаментом. В кипринское время посуду, в основном, украшали в отступающей технике. На ирбинском этапе преобладает керамика орнаментированная гребенкой. Для изылинских памятников характерны сосуды украшенные в ямочно-отступающей прочерченной традиции. То есть на каждом этапе преобладает какой-то один вид орнамента. Однако все остальные орнаментальные традиции продолжали свое бытование и фиксируется как в ранних, так и в поздних комплексах верхнеобской неолитической культуры, имея значительно меньшее распространение.

При этом каменную индустрию для решения вопросов периодизации неолита Верхнего Приобья исследователи почти не привлекают, опираясь в основном на керамику, в связи с чем возникают определенные разночтения. Например, облик орудийного ансамбля поселения Киприно находит явную близость с материалами Завьялово-2. Однако по керамике памятники отнесены к разным хронологическим этапам. Каменная индустрия археологических объектов Завьялово-2 и 8 имеет между собой большие отличия. В основе технологического процесса изготовления орудий поселения Завьялово-2 лежит призматическое расщепление, а в основе индустрии Завьялово-8 находится техника отщепы. Если придерживаться законов эволюционной линии развития каменной индустрии, то эти комплексы должны относиться к разным хронологическим периодам: Завьялово-2 – ранний-средний неолит; Завьялово-8 – поздний неолит. Однако исследователи относят памятники к одному этапу (Молодин, 1977; Косарев, 1996). Аналогичная ситуация с памятниками Киприно и Иня-3 (Топтушка) – явная близость в керамике и полное несоответствие в каменной индустрии. Таким образом, если за основу периодизации взять анализ каменных артефактов, то список памятников на каждом этапе будет выглядеть иначе, чем в схемах созданных по керамике. Следовательно, все предложенные периодизационные построения носят определенный отпечаток условности, что сразу ставит под вопрос правомерность выделения как отдельных этапов, так и всей верхнеобской неолитической культуры в целом.

В 1996 г. М.Ф. Косарев, анализируя неолитические материалы Верхнего Приобья, пришел к выводу, что развитие эпохи протекало в рамках одного хронологического этапа, внутри которого выделяется два типа памятников (локальные варианты): завьяловский – для равнинной части Верхнего Приобья и изылинский – для Присалаирья (Археология ..., 1996, с. 265–266). Понятие «верхнеобская неолитическая культура» исследователь не использует. По всей видимости, М.Ф. Косарев вообще отказался от идеи объединения неолитических комплексов Верхнего Приобья в какую-либо археологическую культуру.

Следует признать такой подход совершенно справедливым и обоснованным. Понятие «верхнеобская неолитическая культура», как термин, объединяющий группу памятников, сыграл очень важную роль в изучении эпохи региона. Локализация отдельных археологических объектов в единую культуру позволила выдвинуть теории становления и развития неолита Верхнего Приобья. Однако, по мнению автора, пришло время отказаться от этого термина и говорить не о культуре, а об общности памятников неолитического времени, которые следует группировать в локальные варианты. Такие «локальные варианты» имеют характерные черты в облике материальной культуры, внутреннюю периодизацию, обусловленную длительным бытованием во времени, собственные культурные связи, повлиявшие на облик керамики и орудийного набора. При этом необходимо продолжать использовать такие понятия как: «завьяловский», «кипринский», «изылинский» и др. типы памятников или керамики. Но использовать эти термины не как названия хронологических этапов, характерных для всего или большей части Верхнего Приобья, а именовать ими локальные варианты, имеющие свое временное и территориальное место.

На основании имеющихся материалов автор пришел к выводу, что памятники позднего этапа неолитической эпохи Приобского плато находят определенную близость с комплексами так называемой верхнеобской неолитической культуры. В хронологическом плане они относятся к поздне-неолитическому времени. Автор предлагает именовать эти комплексы «неолит Верхнего Приобья» не уточняя их культурную принадлежность.

4.3. Хозяйство населения Приобского плато. Свое развитие комплексы раннего этапа получила в лесостепной зоне, сочетающей в себе многочисленные озера, сосновые ленточные боры и открытые степные участки. Подобный ландшафт хорошо подходит для развития присваивающей формы экономике, основанной на охоте и рыболовстве. Судя по материалам основным видом промысла являлась охота на стадных животных. В пользу этого свидетельствуют многочисленные вкладыши колюще-метательного оружия, которое, по мнению Н.Ю. Кунгуровой, предназначалось для коллективных форм охоты на подвижных животных. Кроме этого, многие стоянки, интерпретированные автором как охотничьи лагеря, располагались на открытых степных участках рядом с ручьями. Наши предположения подтверждает остеологический материал с Рубцовского поселения, а также данные зоологов, согласно которым еще в XVI–XX вв. в степях Казахстана и Западной Сибири паслись стада бизонов, лошадей, куланов, джейранов (Верещагин, 1979; Станек, 1986; Сосновский, 1987). О наличии рыболовства свидетельствуют рыболовные стерженьки и грузила для сетей. По всей видимости данный промысел носил вспомогательный сезонный характер. Отсутствие стационарных жилищ говорит о ведении населением раннего этапа полукочевой и кочевой образ жизни.

По хозяйственной направленности поселения рубцовской культуры можно разделить на два типа:

1. Стоянки, где основным занятием неолитического населения была охота. На этих памятниках вкладыши оружия и мясных ножей составили соответственно: Гусятник-2 – 50% и 21,4% всех пластин, просмотренных под микроскопом; Рубцовское поселение – 33% и 10,5%. Эти объекты расположены в пойменной зоне водоемов.

2. Поселения, на которых в основном перерабатывали охотничьи трофеи. Здесь соотношение вкладышей колюще-метательного оружия и мясных ножей составило: Павловка-1 – 17% и 46%; Кривое-1 – 13,7% и 55,4%. Эти поселения занимают надпойменные террасы.

На позднем этапе основных изменений в хозяйственной жизни неолитического населения не происходит. Основным занятием по-прежнему является охота. Рыболовство получило распространение только в юго-западных районах Приобского плато. В северных областях региона рыболовные снасти происходят только из погребения на Чудацкой горе.

В **заключении** подведены итоги исследования. Неолитическая эпоха Приобского плато охватывает период с VI по рубеж III–II тыс. до н.э. Ее бытование протекало в два этапа. Раннему соответствует рубцовская культура (VI–V тыс. до н.э.). Культурная принадлежность позднего этапа (IV, возможно конец V – III тыс. до н.э.) не определена. В связи с этим предложено называть его «неолит Верхнего Приобья». Хозяйство всей эпохи было ориентировано на охоту и рыболовство.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Шмидт А.В. Памятники большемысской культуры Барнаульского Приобья // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч. 1. С. 77–79 (0,1 п.л.).
2. Шмидт А.В. Большемысские находки в Барнаульском Приобье // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск, 1997. С. 50–53 (0,2 п.л.).
3. Шмидт А.В. Древнейшие костяные наконечники стрел на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 28–32 (0,3 п.л.).
4. Шмидт А.В. Эволюция каменных наконечников стрел на Алтае // 275 лет сибирской археологии. Красноярск, 1997. С. 7–8 (0,1 п.л.).
5. Шмидт А.В. Культурный комплекс Малый Гоньбинский Кордон-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. X. С. 61–64 (0,2 п.л.).
6. Шмидт А.В. Предварительная информация о неолитическом памятнике Иня 12 // Студент и научно-технический прогресс. Новосибирск, 1999. С. 4–6 (0,1 п.л.).
7. Шмидт А.В. Разведочные работы в районе протоки Заломная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 127–131 (0,3 п.л.).
8. Шмидт А.В. Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. С. 26–31 (0,6 п.л.).
9. Шмидт А.В. Новое большемысское поселение – Камешок 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 72–74 (в соавторстве с Ю.Ф. Кирюшиным) (авт. вклад – 0,1 п.л.).
10. Шмидт А.В. К вопросу о датировке материалов ирбинского типа // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Т. 1. С. 109–111 (0,2 п.л.).
11. Шмидт А.В. Неолитические-энеолитические материалы разведки В.Б. Бородаева и А.Л. Кунгурова с протоки Заломная 1977–1978 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: изд-во Алт ун-та 2000. Вып. XI. С. 88–91 (0,3 п.л.).

12. Шмидт А.В. Развитие рыболовных стерженьков на Алтае // Студент и научно-технический прогресс. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 8–10 (0,1 п.л.).
13. Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 206–210 (в соавторстве М.Т. Абдулганеевым, Ю.Ф. Кирюшиным, Д.В. Пугачевым) (авт. вклад – 0,1 п.л.).
14. Шмидт А.В. К вопросу о возникновении елунинской культуры и ее взаимодействии с племенами Алтая // Диалог культур и цивилизаций. Тобольск, 2000. С. 54–55 (в соавторстве с А.В. Гончаровым) (авт. вклад – 0,05 п.л.).
15. Шмидт А.В. К проблеме «деградации» призматической техники расщепления в Горном Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 194–196 (0,3 п.л.).
16. Шмидт А.В. К проблеме формирования елунинской культуры // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Сборник науч. трудов молодых ученых АГУ. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 50–54 (0,2 п.л.).
17. Шмидт А.В. Раскопки на многослойном памятнике Гульбище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 303–308 (в соавторстве с Ю.Ф. Кирюшиным, Г.А. Клюкиным) (авт. вклад. – 0,15 п.л.).
18. Шмидт А.В. Неолитический комплекс памятника Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Вып. XII. Барнаул: изд-во «Азбука», 2001. С. 75–79 (в соавторстве с Ю.Ф. Кирюшиным, С.П. Грушиным) (авт. вклад – 0,1 п.л.).
19. Шмидт А.В. Новый палеолитический микрорайон Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 73–85 (в соавторстве с А.Л. Кунгуровым, П.И. Шульгой) (авт. вклад. – 0,5 п.л.).
20. Шмидт А.В. Проблемы большемысской культуры в Верхнем Приобье // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2001. С. 28–39 (в соавторстве с Ю.Ф. Кирюшиным) (авт. вклад. – 0,7 п.л.).
21. Шмидт А.В. Анализ призматической техники расщепления поселения Рубцовское // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII Региональной археолого-этнографической конференции. Омск, 16–19 апреля 2002 г. / Под ред. Е.Ю. Смирновой, С.С. Тихонова. Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. С. 215–218 (0,2 п.л.).
22. Шмидт А.В. Раннебронзовый комплекс поселения Гульбище // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура (Материалы Международ. научной конференции). Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 53–58 (в соавторстве с Ю.Ф. Кирюшиным, Г.А. Клюкиным) (авт. вклад. – 0,2 п.л.).
23. Шмидт А.В. Новые памятники каменного века в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 115–120 (в соавторстве с А.Л. Кунгуровым) (авт. вклад – 0,18 п.л.).
24. Шмидт А.В. Палеоэкология как источник к решению проблемы заселения Степного Приобья в раннем голоцене // Источники по истории Западной Сибири. Ч. I. Материалы региональной научной конференции. Сургут: Изд-во РИО СурГПИ, 2003. С. 30–34 (0,2 п.л.).
25. Шмидт А.В. Каменная индустрия неолитического поселения Иня-III (Топтушка) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Запад-

- ной Сибири: Сборник научных трудов. Кн. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 90–96 (в соавторстве с Кирюшиным Ю.Ф.) (авт. вклад – 0,2 п.л.).
26. Шмидт А.В. Демографические процессы на территории Приобского плато в неолите // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. С. 38–41 (0,3 п.л.).
27. Шмидт А.В. Неолитические материалы из Новичихинского краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы регион. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. Вып. 13. С. 110–114 (в соавторстве со Смирновой Л.Н.) (авт. вклад – 0,15 п.л.).
28. Шмидт А.В. Археологическая разведка в Новичихинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы регион. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. Вып. 13. С. 115–119 (в соавторстве со Смирновой Л.Н.) (авт. вклад – 0,15 п.л.).
29. Шмидт А.В. Ирбинский тип памятников (историографический аспект проблемы) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: изд-во РИО КГПУ им. В.П. Астахова, 2005. С. 260–262 (0,2 п.л.).

Подписано в печать 16.11.2005 г.

Печать офсетная. Бумага для множительных аппаратов

Формат 60×90/16. Усл. печ.л. 1,0

Заказ №_____. Тираж 100 экз.

Бесплатно

Типография Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, Димитрова, 66